

стовъ бумаги... На этихъ листахъ фабричное клеймо было точно такое же, какъ и на доносахъ, пасквиляхъ и проч.

Транскій написалъ губернатору о томъ, что поймалъ виновницу всѣхъ бѣдъ и напастей на домъ Византиновыхъ, а самъ снялъ допросъ съ Иглиной, лишь только она оправилась отъ обморока, въ который впала во время обыска ея бумагъ и вещей полиціей.

Иглина созналась во всемъ. Она—и никто другой посылала компрометирующія Византиновыхъ и Мѣдкину письма. Она же посылала разные вещи, подаренныя доктору Абеллярю. Сдѣлала все это изъ мести къ Мѣдкиной.

III.

Какая же была причина ненависти Иглиной къ Мѣдкиной? Между ними стоялъ—красавецъ докторъ Абелляръ. Иглина—нѣсколько лѣтъ безраздѣльно считала его своимъ любовникомъ. Мужъ ея смотрѣлъ на это сквозь пальцы; ибо его супруга была женщина нервная и истерическая. Чуть что не по ней, и пиши пропало. Страсть Иглиной къ Абеллярю горѣла такъ пламенно, что она помѣстила доктора у себя во флигелѣ и не спускала съ него глазъ. Но въ послѣднее время красавецъ-мущина сталъ чаще и чаще навѣщать домъ Византиновыхъ и тамъ произвелъ подобающее впечатлѣніе на соломенную вдовушку Мѣдкину... Та растаяла, и скоро Абелляръ въ письмахъ Мѣдкиной къ нему получилъ названіе «душенька». *In die irae et lacrimae*. Ревность заклокотала въ груди Иглиной... Абелляръ началъ предпочитать новую фаворитку прежней... Иглина убѣдила себя въ томъ, что противная Мѣдкина приколдовала къ себѣ ея «несчастливаго друга» и начала употреблять всякія мѣры къ тому, чтобы устранить отъ себя соперницу... Она долго крѣпилась сначала... Но когда ей сказали, что Абелляръ можетъ уѣхать изъ Обояни въ Карлсбадъ, Иглина не взвидѣла свѣта...

Преступленіе Иглиной было весьма серьезно. Когда ревнивицѣ объяснили, что она надѣлала, то несчастная схватилась писать къ губернатору умоляющее письмо.

«Надѣясь на ваши благородныя чувства, на вашу чувствительность, умоляю васъ, будьте снисходительны къ моимъ несчастіямъ, успокойте меня хотя нѣсколько словами вашими... Знаю, очень знаю, что я не стою того, чтобы вы принимали во мнѣ участіе; но заклинаю васъ всѣмъ для васъ священнымъ, сжальтесь надъ моимъ положеніемъ... Ужасно, ужасно... невыразимо... ни одна минута не проходитъ мнѣ безъ жестокаго страданія. Умоляю васъ, сжальтесь! Болѣзнь моя, удручающая меня много лѣтъ, привела меня въ ужасное положеніе. Заклинаю васъ самымъ Богомъ пощадить меня и успокоить меня вашимъ скорымъ увѣдомленіемъ».

Губернаторъ, разумѣется, не обратилъ вниманія на письмо Игли-